

племен и народов (Вторжение галлов в Римскую империю, столкновение тохаров с китайскими войсками, участие киммерийцев совместно с мидийцами в восстании против Ассирии, участие черкесов в татаро-монгольском нашествии). После распада держав небольшие по протяженности границы могли (и обороняли) правительственные войска.

8. В России, в силу ее геополитического положения, экономической слабости государство было вынуждено на протяжении столетий мириться с неподчиненными центральной власти народами, занимающими пограничными районы.

9. По мере становления и развития Российского государства пограничное население теряет свою самостоятельность, все более приобретает черты служилого сословия, и, в конечном счете, став таковым в социальной градации российского общества.

Н.Н. НАУМОВА

ГЕНДЕРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УЧИТЕЛЬСТВА ШКОЛ ДУХОВНОГО ВЕДОМСТВА ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Как известно, гендер создается обществом как социальная модель женщины и мужчины, определяющая их положение и роль в обществе и его институтах (семье, политической структуре, экономике, культуре и образовании, и др.). Под гендером понимается совокупность социальных и культурных характеристик поведения, ролей и норм, приписываемых мужскому и женскому полу. Гендер задает определенные рамки и направления социализации, ограничивающие, в частности, выбор профессиональной сферы.

Сегодня ошибочно принято считать, что феминизация сферы образования — явление скорее негативное, она создает определенные перекосы в воспитании и обучении не только мальчиков, но и девочек. При этом преобладание женщин среди учителей почему-то считается явлением сугубо советским, хотя это не соответствует действительности.

После создания школ ведомства православного исповедания (далее- ВПИ) в 1884 г. преподавание в них было возложено на священнослужителей. Духовенству Восточной Сибири внушалось, что обучение детей грамоте есть его прямой и непрременный пастырский долг. Однако уже на начальном этапе среди светских учителей встречались женщины: в этом качестве выступали «уголовно-ссылно-поселенцы или крестьяне и мещане из ссыльных же, а затем идут: отставные солдаты, выгнанный со службы канцелярский люд и всякие разночинцы ... вдовы и незамужние дочери разных причетников» (*Пругавин А.С. За-*

просы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. М., 1895. С. 52).

В народных школах Восточной Сибири вместе учились дети обоего пола, поэтому в качестве учителей должны были выступать и мужчины, и женщины. Опытный священник при выборе педагога советовал предпочитать юноше девушку, которая «ранее развивается и созревает... быстрее и проще осваивается... терпеливее и усидчивее в школьных занятиях, и мягче и сердечнее в обращении с учащимися; девочку лучше слушаются учащиеся мальчики, чем почти сверстника учителя; и ей с большой охотой отдают учиться девочек» (*Иркутские епархиальные ведомости (далее — ИЕВ). 1898. № 21. С. 571).*

Решая вопрос о том, отправлять ли ребенка в школу, родители учитывали его место в семейной структуре, пол и, в меньшей степени, способности и состояние здоровья. В школы отдавали преимущественно мальчиков: впоследствии им предстояло вести хозяйство, заниматься торговлей, иметь дело с властями и сельским «миром». Дополнительным стимулом было получение льготы по сокращению срока действительной военной службы. Девочек даже в зажиточных семьях учили редко. При наплыве учеников в школу предпочтение при зачислении отдавалось мальчикам. Школьное обследование 1894 г. показало, что на 100 учащихся-мальчиков в сельских школах Сибири приходилось только 26 девочек; школьная перепись 1911 г. дала соотношение 100:38 (*Зее-рев В.А. Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1988. С. 69).*

Именно женщина-педагог могла привлечь в церковноприходскую школу девочек, что служило к образованию девушек как будущих матерей. Если в 1884 г. в церковных школах Иркутской епархии обучалось 74 девочки (22% от общего количества учащихся) и 286 мальчиков, то в 1901 г. это соотношение составило 2193 (32%) и 4 668, в 1914 г. — 3 454 (37%) и 5849 соответственно (*Подсчитано по: ИЕВ. 1886. № 30. С. 193; 1901. № 17. С. 177; 1915. № 22. С. 45).*

Производственное обучение в школах ВПИ было желательным, но не обязательным, и также рекомендовалось для привлечения в школу девочек. Преподавание рукоделия велось исключительно учительницами и заключалось в обучении шитью, вязанию, вышивке, изготовлению обуви из своего материала.

Сельское население относилось к преподавателям в основном равнодушно, но к началу XX в. фигура учителя становится одной из самых значимых в деревне. Особенной любовью и уважением пользовались молоденькие учительницы: «Население относится к нам сочувственно, но горько и обидно бывает от приношений, попросту подаяний. Приносят тебе молока или сметаны, денег не берут, да еще и причитают: «Возьми, матушка, возьми, вам жить-то нечем» (*Сибирская школа. 1916.*

№ 1. С. 93). Такие девушки рассматривались крестьянами как чернички — монахини, живущие в миру.

«Епархиалки» (выпускницы училищ для девиц духовного звания) составили основу учительского корпуса народных школ ВПИ. Иркутский епархиальный наблюдатель церковноприходских школ о. В. Копылов характеризовал этих самоотверженных девушек как «лучшие наши педагогические силы» (*ИЕВ. 1897. № 22. С. 317*). Большинство идеалистически настроенных выпускниц сразу после выхода из училища подавало прошения о назначении их педагогами школ ВПИ, даже не указывая желательного места работы и ее условий.

Восторженный отзыв о деятельности «епархиалок» на поприще народного образования прозвучал от кн. А. Волконского на Чикагском всемирном педагогическом конгрессе: «Мы питаем особенное уважение к их истинно апостольской деятельности. Зброшенное в какую-нибудь деревню, за много верст от железной дороги, разлученное с семьей, молодое существо вступает в борьбу с жизнью, находясь в зависимости от бедного и неграмотного общества, которое не всегда в состоянии или же не желает платить ей ничтожное жалование ... Она должна жить за 12 р. в месяц; крестьянская изба, нанятая за 20 р. в год, служит ей жилищем, крестьянская семья — единственным обществом... Это однообразие ее жизни, в чуждой для нее среде, в которой ей надо некоторым образом поддерживать престиж своего общественного положения, потому, что она не должна забывать, что она не крестьянка, и должна одеваться по-городскому и вести себя благовоспитанною девицею» (*ЕЕВ. 1899. № 23. С. 414*).

Как правило, учителя-мужчины рассматривали педагогическую деятельность как ступень к священному сану. В восточносибирских епархиях, где катастрофически не хватало окончивших духовную семинарию для замещения дьяконских и даже священнических вакансий, могли рукополагаться «такие лица, кои, по своим нравственным качествам и познаниям, будут признаны епархиальным преосвященным достойными посвящения в сей сан». Так, в 1896 г. духовной администрацией признавалось, что «в Иркутской епархии духовная семинария дает кончивших полный курс кандидатов на священнические места почти вдвое меньше, чем нужно для потребностей епархии, которые не удовлетворяются даже и уволенными до окончания» (*ИЕВ. 1896. № 11. С. 171*). Практика перехода из учителей в дьяконы (и далее в иереи) сохранялась вплоть до революции.

Доля педагогов-мужчин среди учителей церковноприходских школ стабильно снижалась. На начальном этапе работы школ ВПИ она была велика за счет большого количества членов причта среди преподавательского состава школ духовного ведомства. В Иркутской епархии мужчины в 1886 г. составляли 72%, в 1895 г. — 52%, в 1903 г. — 37%, в 1914 г. — 33% от общего количества учителей (*ИЕВ. 1887. № 28. С. 257; 1896. № 10 пр. С. 246; 1904. № 22. С. 158; 1915. № 22 пр. С. 64*). В то же

время в 1898 г. женщин среди учительского персонала в училищах Министерства народного просвещения Иркутской губернии было всего 38% (*Пругавин А.С. Законы и справочные сведения по начальному народному образованию. СПб., 1904. С. 587*).

С началом Первой мировой войны церковноприходские школы, имевшие мало мужчин среди преподавательского состава (члены причта и клира в армию не призывались), оказались в более выгодном положении, чем школы Министерства народного просвещения. Так, в 1914 г. из 8 районов Иркутской губернии в 9 сибирский запасной батальон из церковноприходских школ были призваны 5 человек, а из государственных школ — 52 человека (*ГАИО, ф.63, оп.1, д.534, л.59*).

Массовое открытие начальных школ, не обеспеченных кадрами, снижало остроту гендерной проблемы — при дефиците учителей их пол не имел значения. Так, с 1898 г. по 1900 г. в Иркутской епархии открылось 28 школ духовного ведомства и 30 училищ МНП. В 1894 г. в целом по Сибири (в сельской местности) доля учащихся среди детей школьного возраста составляла 6,9 %, а в 1911 г. — уже 16,5% (*Зверев В.А. Указ. соч. С. 66*).

Характерная картина гендерного соотношения имела причиной также сложное материальное положение педагога церковной школы. Как правило, мужчины выбирают наиболее доходную работу, так как они являются главами семей и основными добытчиками: чем выше уровень должности и зарплаты, тем ниже представительство женщин. По выражению военного генерал-губернатора Л. Горемыкина, «в Иркутской губернии, где так дороги предметы первой необходимости, только крайняя нужда может заставить человека приняться за учительство с тем, чтобы при первой возможности бросить этот тяжелый и плохо оплачиваемый труд». В региональной церковной периодике многократно помещались извещения о кончине педагогов церковноприходских школ в возрасте 19–25 лет от туберкулеза, «острого малокровия», нервных расстройств и общего истощения.

В 1902 г. основная часть учителей Иркутской губернии имела оклады от 400 до 500 р. Епархиальный наблюдатель церковных школ И.Л. Брызгалов в 1899 г. указывал, что нормой минимального оклада следует считать в Иркутском и Балаганском уездах — 500 р., в Верхотенском и Нижнеудинском — 600 р., в Киренском и Нижнеилимском — не менее 700 р. в год.

Итак, при анализе кадрового состава церковноприходской школы Иркутской губернии четко прослеживаются тенденции феминизации образования, характерные и для настоящего времени. Причины описанного гендерного соотношения были несколько иными, чем сегодня, однако общая закономерность «непрестижность труда — численное преобладание женщин» сохранилась и в наши дни. Низкая зарплата,

отсутствие служебных прав и социальных гарантий, тяжелые условия труда обуславливали постоянный отток из церковной школы учителей-мужчин, принимавших священный сан или переходивших на работу в государственные школы. Педагогам-женщинам, лишенным широкого профессионального выбора в силу социально-экономических условий жизни в дореволюционной России, уйти из церковноприходской школы было значительно сложнее. К тому же церковноприходские школы предназначались для детей в возрасте 7–11 лет, а в обществе принято, что с младшими детьми больше общаются женщины, а не мужчины: мужчины-учителя, а особенно в начальной школе, — явление гендерно нетипичное. Ко всему прочему, рост начальных школ был слишком интенсивен, и школы настолько нуждались в учителях, что их гендерная принадлежность значения не имела.

Э.А. НИКОЛАЕВ

ХРИСТИАНСКАЯ АПОЛОГЕТИКА: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Апологетика — это направление богословской мысли, сосредоточенное на полемике с противниками и критиками христианства, на формулировке аргументов и оснований в пользу веры и Церкви. Она — неотъемлемый элемент евангелизации. Нужно добавить, что именно в апостольских писаниях и трудах апологетов был создан фундамент для развития апологетики. Бл. Августин в «Граде Божиим» полемизировал с язычниками, обвинявшими его в том, что он способствует падению Римской империи. Св. Фома Аквинский в «Сумме против язычников» поставил себе задачу «сделать ведомым, насколько позволяют мои ограниченные силы, истину, которую исповедует католическая вера и разъяснить недоумения в связи с ошибками, которые ей приписываются».

Труды гуманистов, английских деистов и французских энциклопедистов инициировали активную христианскую полемику. Так, Шлейермахер в «Кратком представлении богословия» проводил различия между апологетикой, которая противостоит вражде к христианским общинам, и полемикой, которая преодолевает уклонения от сущности христианства внутри него самого. Сильные аргументы против апологетики высказал К. Барт полагавший, что опора единственно на Евангельское Откровение не допускает защиты христианства аргументами естественного разума. Эта позиция была оспорена как протестантскими богословами, так и католическими, для которых человеческий разум не является полностью поврежденным грехом и для которых природный мир и человеческая природа сами обеспечивают рациональную защиту трансцендентнос-